

УДК 821.161.1-94: 82.091

DOI: 10.17223/19986645/49/8

С.Л. Андреева, М.Л. Бедрикова

ЖАНРОВЫЕ ПРИЗНАКИ АНТИУТОПИИ В ПОВЕСТИ Ю. ДАВЫДОВА «АФРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ»

В статье исследуются признаки жанра антиутопии в исторической повести Ю. Давыдова «Африканский вариант» (1970). Произведение показательно с точки зрения механизма объединения жанров. Писатель, используя архивный материал и жанровые особенности повести, акцентирует антиутопические концепты, которые постепенно формируют типичную концептосферу антиутопии и превращают историческую повесть в форму «футурологической диагностики».

Ключевые слова: историческая повесть, антиутопия, синтез жанров, концептосфера, утопия, утопизм, Ю. Давыдов.

М.М. Бахтин в своих философско-эстетических исследованиях проблемы литературного жанра отмечал его *трансформационный потенциал* (способность «осовремениваться», «постоянно обновляться»; динамизм «архаики жанра»), базирующийся на познавательной природе и конструктивном принципе жанра [1. С. 142]. Синтез жанровых форм и историко-литературный аспект развития современной исторической прозы находятся в неразрывной связи.

Проблема синтеза или сближения литературных жанров может иметь ряд направлений исследования:

- 1) в рамках изучения трансформации отдельных жанров и установления их допустимой вариантности;
- 2) в русле теории канона в литературе и культуре;
- 3) в рамках формального направления в теории литературы (деканонизация жанра, антижанровые признаки);
- 4) в рамках прецедентности и интертекстуальности художественных текстов;
- 5) в парадигме когнитивного направления в литературоведении («память жанра»; концепты и концептосфера художественного произведения; когнитивная база произведения);
- 6) в рамках психологии литературы (жанр как инвариант или ориентир восприятия);
- 7) в рамках философско-методологических исследований проблемы жанра и др.

В процессе изучения жанровых образований и трансформаций специалисты разных направлений приходят к выводу о существовании гносеологических и когнитивных факторов жанрообразования: «тематической ориентации на жизнь», «внутреннем тематическом отношении к действительности», концепции человека в его отношении к миру (М.М. Бахтин [1], П.Н. Медведев [2], Ф.З. Канунова [3] и др.).

Жанр понимается как «культурно-исторический тип условности», задающий границы интерпретации текстов: «Идёт постоянная смена условностей, усложнение, синтез жанров. Современные произведения несут в себе качества нескольких жанров, истолкование же ведётся по одному жанровому признаку и потому оказывается обеднённым. <...> Свойство произведений – удовлетворять различные художественные запросы – заставляет говорить о внутренней жанровой многоликости произведений, о различии направлений истолкования и об объективности истолкования, границах его, которые заданы «памятью жанра» и современным состоянием его» [4. С. 4–5].

В настоящей статье мы обращаемся к проблеме синтеза жанра повести и антиутопии. Под синтезом жанра мы понимаем не трансформацию жанра, а полную реализацию сущностных признаков каждого из объединяющихся жанров. Однако при интерпретации текста наиболее знакомый, привычный жанр может доминировать. В этом случае мы говорим о *жанровых признаках одного в пределах модели другого жанра*: «Жанр предстаёт в структуре конкретного произведения в основном «в снятом виде», в соотношении с каноном, а также в форме экспресsem – *жанрово-стилевых заострений* в пределах отдельного компонента повествования» [5. С. 3–4].

В нашем случае синтез антиутопии и исторической повести можно оценивать как *синтез не двух, а трех жанровых форм – повести (исторической), антиутопии, утопии*, поскольку жанровая модель последней латентно сохраняется в антиутопиях.

Литературоведение XX столетия глубоко исследовало историю мировых утопий, выявив различные аспекты постижения утопического сознания в художественной литературе. Этому посвящены труды Н.Н. Арсентьевой [6], М. Геллера [7], Х. Гюнтера [8], А.М. Зверева [9], Б.А. Ланина [10], Т.Н. Марковой [11], Г. Морсона (G. Morson) [12], [13], Р. Гальцевой, И. Роднянской [14], В.А. Чаликовой [15], [16], W. Golding [17] и многих других. Представление об *антиутопии* в исследованиях рубежа XX–XXI вв. неоднозначно. Ее относят то к виду утопий (Н. Ковтун [18], Г. Морсон, В. Чаликова [12], В. Шестаков [19]), то оценивают как жанр, претерпевающий эволюцию, имеющий различные жанровые модификации, сформировавшиеся в ходе его развития (Н. Арсентьева [6], А. Зверев [9], Б. Ланин [10]), то видят в антиутопии форму художественного постижения социального идеала, то рассматривают как специфическое художественное сознание и отражение возникшего «рубежного сознания» [11. С. 5]. Но, так или иначе, согласимся здесь с Т.Н. Марковой, антиутопия оказалась «неотъемлемой частью художественного мышления конца XX – начала XXI в.» [11. С. 5].

Жанровые признаки антиутопий, их типология в литературоведении окончательно еще не определены, как нам представляется, из-за различий в подходах к оценке жанра как категории. В квалификации жанра литературного произведения всегда есть опасность признать какой-то внешний признак конституирующим. Так, пародийность часто считают неотъемлемым признаком антиутопий (В. Агеносов [20], Г. Гюнтер [8] и некоторые другие), тем самым неоправданно сужая количество их разновидностей.

Глубинный (когнитивный) подход к категории жанра расширяет представление об антиутопической художественной форме, объясняя потенциал и

пределы ее вариантности. Именно такой не гротескной, не пародийной, но критичной (и по форме, и по содержанию) в отношении к утопии является историческая повесть «Африканский вариант» [21] Ю.В. Давыдова (1924–2017) – русского советского писателя, признанного мастера, автора исторических рассказов, повестей и романов. Мы квалифицируем это произведение как повесть, присоединяясь к предыдущим исследователям, для которых очевидна принадлежность «Африканского варианта» к этому жанру, что признано специалистами по исторической прозе и самим писателем. Наличие жанровых признаков антиутопии (и вообще синтеза жанров) нам только предстоит в этой статье доказать. Произведения Ю. Давыдова относят к исторической *параболической* прозе (по Н. Щедриной, *параболическая* проза предполагает «удаление от данности с тем, чтобы вернуться к ней на уровне философского постижения»). Писатель подчеркивал: «Есть люди, путающие понятия <...> [Вы. – С.А., М.Б.] уходите, дескать, в историю <...> Послушайте, в историю не уходят. К истории приходят. Чтобы поразмыслить. В этом все дело» (цит. по: [22. С. 9]).

Эволюция антиутопического жанра в отечественной литературе, на наш взгляд, не обусловлена, но связана с мощной художественной закономерностью, проявившейся в литературном процессе еще в 1970-е гг., – *актуализацией «интеллектуальной тенденции»*. Проблематика ряда произведений этого периода характеризуется усложненностью: вопрос о внутренних ресурсах личности в катастрофических обстоятельствах, вопрос «о границах» человека и человеческого (по Достоевскому). «Интеллектуальное течение 1970-х гг. имело особую поэтику, которая, по мнению Н. Лейдермана, М. Липовецкого, воплощалась в художественных приемах (например, диспут, дискуссия, психологический эксперимент, детективное расследование, интеллектуальная экстраполяция в произведениях Ю. Домбровского, братьев Стругацких, Ю. Трифонова, А. Крона, А. Битова, В. Тендрякова) [23. С. 134].

Повесть «Африканский вариант» написана в начале *вершинного периода в творчестве писателя*, совпавшего с расцветом советской литературы, исторической прозы в частности. Ю. Давыдов разрабатывал *тему народовольческого движения*: «Судьба Усольцева» (1973), «Глухая пора листопада» (1968), «Соломенная сторожка» (1982, полностью 1986) и др. «Африканский вариант» – это первая часть дилогии, объединенной «сквозным» героем – интеллигентом Н. Усольцевым (вторая часть – это «Вечера в Колмове», лирическая повесть о Г. Успенском, исследующая итоги народовольческого движения) [22. С. 10].

Н. Щедрина формулирует кредо Ю. Давыдова: 1) предостережение о нравственной деградации народовольцев, перешедших к террору; 2) анализ причин распространения в революционной среде «иезуитского принципа цели, которая оправдывает любые средства» [24. С. 40].

В основе повести «Африканский вариант» лежит документально подтвержденный исторический факт авантюрной попытки создания в конце XIX в. Николаем Ивановичем Ашиновым (1856–1902) сообщества «Новая Москва» в сорока верстах от Таджура (побережье Таджурского залива в Эфиопии). Сын царицынского (по другим сведениям, пензенского) мещанина Н.И. Ашинов выдавал себя за атамана «вольных казаков», якобы живших в

приграничных с российским Закавказьем областях Персии и Турции» [25]. В 1888 и 1889 гг. он предпринял две попытки создать русское поселение под названием «Новая Москва» на побережье залива Таджура с мессианской целью укрепления православия на африканском континенте, а фактически с целью колонизации части Эфиопии. Вторая его экспедиция получила уже полуофициальный статус, так как в ней в качестве посланца Русской православной церкви участвовал настоятель Константинопольского подворья афонского Пантелеймоновского монастыря Паисий, специально для исполнения этой миссии посвященный в сан архимандрита. Однако после вооруженного столкновения с французами (район залива Таджура был владением Франции) русские колонисты были насильственно депортированы на родину [25]. История «Новой Москвы» получила широкую и скандальную известность благодаря многочисленным публикациям в русской и иностранной прессе. К этому историческому факту кроме Ю. Давыдова обращался В. Пикуль в рассказе «Вольный казак Ашинов» (1976) [26. Т. 2]. В 1888 г. вольные казаки, которых возглавлял атаман Н.И. Ашинов, а также примкнувшая к ним группа интеллигентов-энтузиастов (в том числе земский врач Н. Усольцев) отправляются на пароходе из Одессы в далекую Абиссинию (Эфиопию), чтобы основать там русскую колонию – общину, землю обетованную – «Новую Москву».

Жанровое новаторство повести Ю. Давыдова в том, что он «развернул» антиутопию в прошлое, хотя она, как правило, направлена на прогнозирование *Будущего*. Анализ прошлого стал формой «футурологической диагностики», характерной для «параболической» прозы – *художественное исследование прошлого с целью прогнозирования будущего*.

Всякая антиутопия, будучи критикой, базируется на *утопии* (проекте будущего) либо *утопизме* – идеологии, при которой, по убеждению В.П. Зинченко, «превращенные формы сознания становятся извращенными, рефлексия утрачивает право голоса, а ее возможный результат – понимание – заменяется автоматизмом, рефлексом, когда человек утрачивает свое Я» [27. С. 221]. «Утопической базой» для Ю. Давыдова послужила не столько фактическая сторона события, сколько идеологическая. В объяснении целесообразности «Новой Москвы» писатель видел манипуляцию сознанием вольнодумцев-почвенников: сначала романтизация извечной мечты о новой земле, представления о счастливом времени или счастливом устройстве жизни предков, а затем оправдание высокой целью кровопролития, которым всегда сопровождался захват земель¹. Обстоятельства организации «Новой Москвы» подсказали Ю. Давыдову художественную форму. Ведя привычную для себя канву исторического повествования он с помощью «жанровостилевых заострений» последовательно обозначает канонические концепты утопий и антиутопий. Узнаваемость антиутопических концептов, прежде всего тематическая, не фрагментарность их, не частичность, а целостность построения концептосферы антиутопии (и, соответственно, утопии) позволяет

¹ Любая колонизация со времен крестовых походов проходила и проходит под идеологическим (мировоззренческим) флагом просвещения «неразумных» и «насаждения» на их земле гуманизма.

расценивать данный факт как проявление соответствующих жанровых признаков, как синтез жанров.

Рассмотрим последовательно проявления «жанрово-стилевых заострений» для ввода антиутопических концептов в повести Давыдова.

В утопиях и антиутопиях обязательно излагается главная идея – утопическая программа. Концепция «Новой Москвы» уходит корнями в крестьянские утопии. Герой повести (повествователь) Н.Н. Усольцев отмечает: «...мужик любит правду и справедливость» [21. Т. 1. С. 328]. Беда деревни, по мнению земского доктора, в постоянной «регламентации» и вмешательстве «заботников». Вот почему крестьянин упорно мечтает «ускользнуть от вездесущего «начальства». Утопические настроения подпитываются «разговорами по душам» «на вечные темы»: «...раздел, отрезки, аренда, теснота, нужда – неизменно возникал мотив «белых вод», заповедных краев, обетованной стороны. Разве не здесь духовный смысл и неудержимого потока за Урал, в неизведанные дебри, и устремление к какой-то реке Дарье, и бегства на юг, и переправы за океан, в Аляску? Нет оснований видеть в русском мужике искателя приключений. Он вольности ищет, «волюшки», чтоб уж хоть и работать до седьмого пота, но работать-то на себя» [Там же].

Фольклорное основание утопизма, обозначенное Давыдовым, прослеживается в упомянутом образе белых вод – Беловодья, сохранившегося в нескольких списках «Путешественника» Марка Топозерского («Путеводитель») [28–30]. Беловодье – это легендарно-утопическая страна свободы из русских народных преданий XVII–XIX вв. По мнению старообрядцев, она размещалась где-то на Востоке – в Японии или Индии – и имела реальный прообраз – Бухтарминский край на Алтае [29. С. 11]. Беловодье предстает идеалом вольной, свободной от надзирательства извне жизни крестьянства, раем для трудолюбивых и праведных людей. В наиболее подробной северорусской редакции рассказ ведется от имени свидетеля – некоего Марка, инока Топозерской обители, путешественника, побывавшего в Беловодье с двумя другими иноками. Утопическая благочестивая страна была населена потомками православных христиан, спасшихся от гонений римлян «ассириян», и русскими, не принявшими реформы патриарха Никона: «В восточных странах с великим нашим любопытством и старанием искали древляго благочестия православного священства, которое весьма нужно ко спасению»¹. И хотя климат в Беловодье суровый, но по законам утопий в беловодской земле произрастают злаковые и плодовые деревья и кустарники: «всякие земные плоды бывают, родится виноград и сорочинское пшено». «Злата и серебра, – пишется в «Путешественнике», – в Беловодье несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много <...> татьбы и воровства, и прочих противных закону не бывает <...> светского суда не имеют, управляют народы и всех людей духовные власти»².

Осмысление исторического факта в повести Давыдова проходит сквозь своеобразные «световые фильтры» – культурные концепты, которые не только формируют жанровую принадлежность и жанровую узнаваемость анти-

¹ Цит. по: [28. С. 9].

² Цит.: [30. С. 9].

утопий, но и, что обязательно, задают *«вектор» познания действительности*: концепты «порождают культуру и порождаются ею» [31. С. 41]. Жанровые концепты отражают авторский способ, модель, траекторию художественного осмысления реальности, задают ход мысли читателю. Уже упоминалось, что антиутопии проектируются на основе утопических концептов (любому антижанру свойственно повторять ключевые признаки жанра). Такими концептами являются: «Счастье / Благо», «Разум», «Всеобщность», «Мессия / Благотворитель», «Избранный народ / Мы», «Государство / Царство Божие», «Справедливость / Равенство», «Труд», «Норма», «Музыка / Искусство», «Секс», «Образование» и некоторые другие.

Очевидно, что антиутопии по природе своей интертекстуальны, поэтому в них именно к *утопическому набору добавляются* новые собственно антиутопические концепты: «Диссиденты / Еретики», «Революция / Бунт / Война», «Казнь», «Человек / Я», «Свобода», «Страх» и др. Ю. Давыдов намеренно «формализует» жанровые признаки, к примеру, эксплуатирует *дневниковую форму записей очевидца*, участника социального эксперимента, распространенную в утопиях различных эпох и, соответственно, воспринятую антиутопиями. Форму дневника следует считать жанрово-стилистическим признаком антиутопий, поскольку она позволяет писателям:

1) представить рациональные основания данной утопической идеи как целостной модели устройства человеческого общежития, тем самым обозначить и связать все утопические концепты, чтобы потом «развернуть» каждый из них в критическом русле;

2) «ввести» ряд антиутопических концептов, например: «Человек / Я», «Страх», «Любовь» и др.

Дневниковая форма необходима для формирования нескольких уровней текста: сюжетное развитие текста; отражение рефлексии главного героя (повествователя); уровень читательской рефлексии.

Показателен в этом плане анализ цели всего предприятия колонистов «Новой Москвы». В ней повествователем выделяются два аспекта: конкретный (построение свободной общины «мужиков, мастеровых, интеллигентов») и утопический – идеалистический («устройство Царства Божия здесь, на земле») [21. Т. 1. С. 329]. Последнее предполагает «спасение душ *всех людей*, а не только индивидуальное спасение, что и составляет «цель утопии», так как *всеобщность* – ее неперемное условие. Цель ашиновцев совпадает с основной идеей Беловодья: ни злая сила, ни злой дух не могут проникнуть туда, где царит Царство Божие. Сохранился вариант легенды, в соответствии с которым государство Беловодье расположено в море – на острове. Остров же могут найти только *избранные!* Легенда гласит, что Петр I пытался отыскать обетованную землю, но так и не нашел, потому что в сознании старообрядцев царь-реформатор Петр I ассоциируется с сатанинской силой [30. С. 119–120, 136]. «Подкармливание» утопических настроений с помощью древних легенд, историй, ссылок на несбывшиеся ожидания предков является характерным приемом манипуляторов от идеологов утопизма.

В действиях Ашинова по проектированию нового сообщества Ю. Давыдов усматривает черты социальной инженерии, которая известна еще по учению Платона об идеальном государстве. Древний утопист выделял три

сословия: ремесленников, воинов и мудрецов. Отнюдь не все «вольные казаки» – ашиновцы были военными людьми, в основном это простые земледельцы, мастеровые, не способные философствовать. Интеллектуальные задачи в общине призваны были решать интеллигенты, составившие самостоятельную группу – братство идеологов «Новой Москвы», видевшие смысл своей жизни в постоянной работе для народа, для России. Ключевым для характеристики счастливого будущего у идеологов-колонистов становится слово «прекрасный» (вспомним, название произведения Д. Оруэлла «О, прекрасный новый мир» / «О, дивный новый мир»). В «Записках Усольцева» читаем страстные откровения, демонстрирующие «одержимость» участников утопического проекта: «...предстоящее казалось спасительным и прекрасным не только для всех, кто стекался к Н.И. Ашинову, но и лично для него, Н.Н. Усольцева. Ведь нас *всех* – мужиков, мастеровых, интеллигентов – ожидала другая по смыслу работа: во имя великой, святой цели, ради самых заветных, вековых чаяний!» [21. Т. 1. С. 329].

В этом смысле показателен выбор героев в повести «Африканский вариант». С одной стороны, интеллигентное «меньшинство», «транслирующее» народовольческие идеалы. С другой – так называемые «вольные казаки», народная масса. Исторические факты свидетельствуют, что Ашинов продвигал идею «вольного казачества», не будучи сам казаком [32]. И это подчеркивается в повести. Мало того, набирал он себе в «казачью» общину народ тоже «неказачьего» происхождения: «Большинство добровольцев были одесситы. Казаков набралось целых двое (оба терские), десяток осетин, два харьковчанина, три петербуржца. Среди колонистов оказалось немало людей с полезными профессиями – столяры, плотники, кузнецы, слесари, садовники, отставные солдаты. Были и образованные – фельдшер, зубной врач, учителя и недоучившиеся студенты. Наконец, и несколько военных в отставке. Бывший юнкер Мануил Цейль стал адъютантом атамана. Некоторые колонисты ехали с женами и детьми. На свою беду атаман набрал в отряд немало одесских босяков с явно уголовным прошлым» [33. С. 24]. Мы видим, что реальный принцип отбора команды новомосквичей ориентирован не на казачество, а на различные социальные слои. В этой непоследовательности следования идее вольного казачества Давыдов видел явные черты манипуляции, скрывающей истинные цели экспедиции. Зачем Ашинову идея казачества? Искусственная опора на «исторические корни»¹ – это *отсылка к культурной памяти народа*, которая является стандартным приемом манипуляции. В прошлом выбирается общеизвестный факт (или образ), который затем подвергается целенаправленной деформации в соответствии с истинной целью манипулятора.

Романтизация образа казачества обусловлена рядом факторов. В первых, любая утопия реализует жанровый концепт «Избранный народ» – в нашем случае избранными «новыми москвичами» являются «казаки» (не по факту, а по транслируемой идее). Историческим основанием в народной памяти становятся русские народные притчи о заселении земель Севера, Сибири, Волги, возникшие в поздние исторические периоды (после XVII в.): рас-

¹ Учет исторического опыта совсем не характерен для утопий, а даже, наоборот, по мнению В.И. Мильдтона, утопиям свойственно полное отрицание истории и прошлого [34].

сказы о крестьянских колониях, казачьих вольницах, старообрядцах, недovolных государственным правлением и совершивших утопический «исход» в новые земли. Во-вторых, романтизация казачьей «вольности» в сочетании с неизвестной и далекой от российских государственных проблем Африкой создавала новый романтический образ свободной и счастливой земли. Казачье сословие, как самоуправляющиеся общины, возникавшие с XV–XVI вв. на Днепре, Дону, Волге, Тереке, Урале главным образом из беглых крестьян, не раз демонстрировало инакомыслие, свободный нрав и такие важные (для идеи «Новой Москвы») качества, как смелость и исторический *опыт в освоении новых земель*. Все это должно было убедить общественность в том, что миссия в Африку – это реализация мечты предков (казаков), которые искали на родине, но не нашли Рая. В результате идея построения «Новой Москвы» в Африке стала расцениваться уже не как авантюра или утопия, а как благородная попытка реализовать извечную мечту предков о счастливой земле и справедливом общественном устройстве. Ключевой, обозначенной в повести, является идея *самостоятельного построения* счастливого государства на основах *разума*. Эта идея обсуждается в повести между героями, на ее фоне раскрываются характеры героев, она узнается читателем как сильная жанровая черта утопий и антиутопий.

«Новая Москва» в повести «Африканский вариант» становится одним из имен концепта «Государство». Название «Африканский вариант» актуализирует такой важнейший компонент, как *«проект»* построения «Светлого будущего», социальный «эксперимент». Эксперимент, выполняющий сюжетообразующую роль, являющийся одним из столпов утопий всех времен и народов, в каждом произведении предстает в неповторимом «обличии». «Национальная оболочка», специфика эксперимента «активируется» *доминантой* жанра, константа же утопии при смене «национальных оболочек» остается неизменной. Не случайно в повести «Африканский вариант» главный герой и повествователь Н. Усольцев между прочим замечает, что «африканский вариант» «мог быть австралийским или новозеландским, *все равно*» [21. Т. 1. С. 331].

Ярким признаком антиутопического жанра в повести «Африканский вариант» является концепт «Диссиденты / Еретики». Образ противников утопической идеи чужд утопиям или рассматривается в них мало и поверхностно, поскольку проектируется именно *абсолютное всеобщее счастье*. В повести Ю. Давыдова ощущается жанровая особенность антиутопических романов первой половины XX в., авторы которых акцентировали самоценность «Я», настаивали на индивидуальности, уникальности каждой личности и защищали право человека на «необщее выражение лица». Ощукая единение с новыми колонистами, рассказчик не сливается с массой вольных казаков в прямом смысле слова. Очевидно, что уже в начале организации «Новой Москвы» «интеллигентное меньшинство» отделилось от массы вольных казаков Ашинова. Кроме летописца Н. Усольцева, в группе интеллигенции состояли: отставной поручик Павел Михолапов, капитан Нестеров, два московских студента с неразличимыми фамилиями (Ананьев и Ананьин), бросившие университет «ради колонии». Всех интеллигентов ашиновцы, вслед за атама-

ном, иронически окрестили «шаткими интеллигентами», «образованными», «тонконогими», принявшимися «не за свое дело» [21. Т. 1. С. 358].

Н. Усольцев – интеллигент (вспомним, у Е. Замятина дневник ведет интеллигент – инженер, создатель Интеграла), врач по профессии, а значит, и хороший психолог. В группе интеллигентов-энтузиастов именно Усольцев запечатлевает события для истории, словно ведет историю болезни. Он ставит своеобразный диагноз молодым энтузиастам, когда дает коллективный психологический портрет своим товарищам: «Обретаясь в России, мы мучились неоплатностью долга перед народом: пот, кровь, труд народа обернулись для меньшинства университетскими познаниями» [Там же]. Любопытно сравнение русских интеллигентов из «Новой Москвы» с первыми христианами. Ставя диагноз людям изучаемого психологического типа, в том числе и себе, врач-рассказчик задается вопросом: «...есть ли во мне настоящая любовь к народу. (И не только *терпеть* лишения, а и *наслаждаться* лишениями. Вот какой мотив еще! Он не патологичен, он как у первых христиан)» [Там же. С. 359].

В романе «Африканский вариант» в массе «колонистов-энтузиастов» интеллигенция представлена меньшинством. Любопытно, что «добровольцы-трудящиеся», в основном из крестьянства и мастеровых, набирались агитаторами в разных областях России. Полагая себя «атаманом вольных казаков», Николай Иванович Ашинов «всех добровольцев называл вольными казаками. Очевидно, для того, чтобы пробудить ассоциацию с удалой казачьей вольницей, с мужиками-витязями, одухотворенными Свободой» [Там же. С. 333].

История казачества свидетельствует, что на южных территориях по течению Дона начиная с XII в. селились беглые люди, наемные военные и др., составлявшие многонациональные, смешанные образования. В слове «казак» уже заложено значение «вольность», в переводе с тюркского «вольный». «Вольница» как раз и возникла в условиях проживания смешанного населения в социальном и национальном смыслах. В конце XIX в. казаки – это профессиональные военные. Казачьи войска, наряду с регулярными войсками и милицией, являлись частью русских сухопутных войск. В повести «интеллигенция» / «русская интеллигенция» является важным концептом, неразрывно связанным с концептом «Империя / Государство». Современные исследователи анализируют глубокие связи между «интеллигенцией» и «Государством» / «Империей» («Интеллигенция» в известной мере виртуальный универсальный концепт (как и большинство понятий / дефиниций в России) [35. С. 285]). Концепт «Интеллигенция» не является основополагающим для утопии, но он появляется в русских социальных утопиях конца XIX – первой трети XX в.¹ В этот период направляющей силой прогресса представлена техническая интеллигенция – инженеры. Концепт «Интеллигенция» следует рассматривать как частное проявление обязательного в утопии концепта «Избранность».

¹ К примеру, литературные утопии А.А. Богданова-Малиновского «Красная звезда» (1908), «Инженер Менни» (1913), научный труд «Тектология» (1913–1922); отсюда в антиутопическом романе Е. Замятина «Мы» главный герой – математик и инженер.

«О сложных, противоречивых, но в высшей степени интересных и поучительных отношениях [с Империей. – С.А., М.Б.] российского «просвещенного сословия» говорят (подчас с диаметральных позиций) творения и политический личный опыт А. Пушкина, Л. Тихомирова, «веховцев», русских большевиков во главе с в Лениным, «евразийцев», И. Солоневича, И. Ильина, Г. Федотова, А. Солженицына...» [35. С. 285]. Каков статус интеллигенции в России конца XIX в.? Социологи отмечают: «Закрепив за собой во второй половине XIX столетия статус духовной элиты, с начала XX в. интеллигенция (не только в лице своей радикальной, революционной, но и либерально-буржуазной части) все активнее добивается доступа к области разработки и принятия государственной политики. При этом в рамках традиционной системы опорных бинарных оппозиций в широких кругах интеллигенции существует одновременно и тезис «презумпции греховности» власти, и практика приобщения к «сладоности» сего греха [Там же. С. 288–289]». Именно неудовлетворенность общественным статусом (рядовой земский врач N-ской губернии) порождает утопические мечты интеллигента о «горных вершинах, откуда открывалась прекрасная, светлая гармоническая даль» и, в конце концов, приводит Н. Усольцева в колонию «Новая Москва». «Я говорю не об отношении земской администрации к врачу имярек, а об отношении земства ко всему медицинскому делу на деревне» [21. Т. 1. С. 326]. Утопизм Усольцева соседствует с максимализмом в его сознании. Безгранична вера давидовского героя в разум, в науку, в возможность исправления нравов, скорого искоренения зла в человеке и в социуме. Столь же безгранична тяга к идеалу. В образе Н. Усольцева воплощены все специфические черты русского сознания. Исследуя «русскую идею» в литературе XX в., М.М. Голубков анализирует «страшные и разрушительные в отношении к действительности» сочетания утопического сознания и русского максимализма, а также специфику русского утопизма, связанную с мессианством в национальном сознании [36. С. 25–26]. В упоминаемой в записи Усольцева в виде формулы «прекрасной, светлой гармонической дали», в «свернутом виде» представлены основные характеристики типа утопии в русском сознании. В отличие от так называемых «пространственных утопий», это «иной тип, более характерный для русского сознания, связан с локализацией идеала не только в далеком пространстве, но, что важнее, в отдаленной перспективе или ретроспективе» [Там же. С. 22–23].

Реальная основа эпического сюжета не снимает ощущения фантастичности происходящего, т.е. каждый из участников предприятия воспринимает свою деятельность по основанию «Новой Москвы» как воплощение заветной мечты. Невероятное и относительно скорое по времени воплощение *детской мечты* о счастье и мировой гармонии создает особую психологическую атмосферу: общего приподнятого настроения, восприятия событий как особенных, Богом данных. Ставка колонистов-экспериментаторов была сделана на артельную форму новой жизни, общинные отношения, т.е., как казалось колонистам, не государственные.

При чтении антиутопических произведений вскрываются постепенно один за другим интертекстуальные «культурные слои» образной системы. Так, дорога вглубь африканской страны для будущих русских колонистов

была непростой – препятствием стало расстояние (немалое для XIX в.) от Одессы до африканского побережья: добирались на пароходе «Амфитрита»), неприступные скалы побережья Таджурского залива, гористая и лесистая местность. Казалось бы, факт истории, но описание «обетованной земли» и пути к ней совершенно совпадает с архетипическим образом – удаленного места за горами, за лесами, острова и т.п. Детали прибытия вольных казаков наполнены отсылками к утопиям. Так, «Амфитриту» преследует иностранная канонерка, оснащенная мощным фонарем. Кто-то принимает обычный корабельный фонарь за солнце – обязательный атрибут Города Будущего: «...канонерка неотступно следовала за нами, то зажигая свое мертвенное «электрическое солнце», то гася его. Никогда я так не ждал утра: ах, лишь бы оно поскорее наступило, чтобы не было этого проклятого «электрического солнца», когда испытываешь унижительную беспомощность, точно голый» [21. Т. 1. С. 346]. Психологически достоверно описывается момент, когда путешественники впервые ступают на африканский берег, который они воспринимают как обетованную землю: «Полагаю, что причиной моего волнения была не сама по себе Африка... Нет, причина волнения определялась тем, что наконец-то я там, где возникает лучезарное поселение» [Там же. С. 348]. Любопытен комментарий Ю. Давыдова к описанию Таджурского побережья. Если у колонистов африканские виды вызвали неописуемый восторг (объясняемый чисто психологически – неожиданно скорой визуализацией мечты о рае на земле), то у другого путешественника, польского романиста Генриха Сенкевича, местные красоты в свое время вызвали удручающее впечатление, навеяли мысли не о счастливом берегу, а, скорее, месте ссылки: «Что за такая страна, как бы предназначенная быть местом изгнания? И чего искал здесь пылкий Ашинов?» [Там же].

Как известно, модель социума в антиутопических произведениях строго иерархизирована, время течет иначе («обращается в вечность»), а пространство своеобразно «конструируется»: «Прежде всего здесь был форт, старинное запустелое крепостное строение. Форт назывался *Сагалло*, но вольные казаки тотчас же окрестили его *кремлем*; таким образом, Новая Москва с самого начала располагала своим центром» [Там же. С. 352].

Характерным для антиутопий является представление и сопоставление концептов «Равенство» и «Мессия». Могущество счастливого государства обеспечивают граждане, наделенные равными правами, на поверку не столько равные в правах, сколько одинаковые, лишённые индивидуальности, права быть разными (ср.: нумера и Благодетель в романе Е. Замятина «Мы»). На вершине государственного «здания» находится Мессия, или Благодетель, в роли которого в повести «Африканский вариант» выступает весьма колоритный, харизматичный атаман Николай Ашинов – спаситель русских трудящихся казаков. Это тип русского богатыря. Портрет атамана призван подчеркнуть его особое положение в среде «одинаковых избранных». Усольцев отмечает: «Ашинов был огромен, в окладистой рыжевато-бородой, в черкеске с газырями, смотрел внимательно, чуть щуя глаз. Черт знает почему, но он еще ни слова не молвил, а я уж чувствовал к нему и симпатию, и доверие <...> Во всем облике атамана так и было: добрый русский молодец» [Там же. С. 334].

Поначалу Ашинов интересуется личностью каждого будущего «колониста». Показателен его диалог с Н. Усольцевым, в котором атаман спрашивает о личном мотиве. «Я отвечал, что ишу в Новой Москве не спасения *своей* души, как монастырские послушники, не *своей* лишь духовной свободы, как буддисты <...> надеюсь не только врачевать и обрабатывать свой клочок земли, но и приложить силы, пусть скромные, для достижения дружбы и единства всех и каждого, для достижения гармонии» [21. Т. 1. С. 334–335]. Концепция всеобщего счастья Ашинова в развернутом виде озвучена в интеллектуальных беседах с колонистами: в «Новой Москве» будут жить в братском единстве люди труда, которые «в высшей степени наделены инстинктом справедливости, равенства, добра» [Там же. С. 335]. Фактически утверждается *идея «человека нового типа» и новых ценностей*, обязательных для всех колонистов.

Атаман держался перед членами общины «главой большого крестьянского семейства», т.е. большаком. Этот тип верховенства, подчеркивает автор, при котором человек «не тиранствует, а делает так, как ему велят условия работы и мать-природа» [Там же]. Нет, не молочные реки и кисельные берега обещает большак! Ашинов провозглашает: «А главное, ребята, землицы *вволю, солнышка вволю. Паши, сей, жни*. Только силу не прячь от самого себя» [Там же]. Итак, звучит заветное для крестьянина слово «*воля*», которое является ключевым в концепции общины. Если с интеллигентным Усольцевым диалог состоялся, то разговор с крестьянством выглядит «односторонним». Резкость, категоричность Ашинова, его психологический «напор» подавляют простых казаков. В данном эпизоде из второй главы есть много деталей, которые вызывают ассоциации с подобными сценами в произведении А. Платонова «Чевенгур» (беседы большевиков с крестьянской массой в степных микрокоммунах). «Механизм» претворения в жизнь ашиновской концепции крестьянского счастья не разработан в деталях, но ведь именно из деталей человеческая жизнь и состоит. Подчиненные слушают атамана, но не имеют возможности задать вопросы, жизненно важные для каждого. Приведем пример из текста повести Ю. Давыдова: «“Ослабшие” жадно слушали. Я видел их муку: они хотели верить и почти верили, и страшно было, и сладко, и они мяли шапки, бормоча свое “известно”. Они были бы не прочь “поспросать” еще и еще, нешуточное ведь дело, коренной перелом (крестьянская горемычная осмотрительность), но тут Н.И. Ашинову подали телеграмму» [Там же. С. 336]. Далее автор использует психологическую деталь: «...атаман круто, по-военному повернулся и ушел с видом человека, у которого ни минуты» [Там же]. Вспомним образ «научного человека» из произведения А. Платонова «Усомнившийся Макар», которое так разгневало в свое время И.В. Сталина: на горе стоял «научный человек» и не замечал простого человека, не чувствовал его интересов, переживаний. Детализация в этой сцене выполняет функцию развенчания, снижения роли важной персоны. Есть деталь, которая «взрывает» логику Ашинова, сводит на нет содержание его речи о земле обетованной. В телеграмме, поданной атаману, неизвестный «спонсор» предприятия сообщал: «...везет “первосортный балык”, но “пути нет” – и спрашивал: “Как быть?”» [Там же]. Данная деталь необходима Ю. Давыдову, чтобы заострить парадоксальность происходящих событий, их

непредуманность, отсутствие «механизма» планируемых практических мероприятий, которые должны привести к «всеобщему счастью».

Н. Усольцев – это герой, проходящий по пути исканий от увлечения утопической идеей совершенства человека и общества до разочарования в ней. Без такого развития невозможна утопия. Авторская позиция лишь только преломляется в герое-повествователе, который должен сам пережить и очарование утопической идеей, и разочарование в ней на глазах читателя. Эта эволюция убеждений, происходящая на фоне даже не анализа, а психологического «препарирования» собственных и чужих идей, мыслей, чувств, – необходимый структурный элемент антиутопий и их жанровый признак, который может найти разные художественные решения, но не может отсутствовать в антиутопиях. Между автором и читателем должен быть повествователь.

Эволюция главного героя – обязательная, но далеко не единственная в повести. Благодаря критическому взгляду доктора выстраивается типология героев: простые земледельцы, интеллигенты – правдоискатели (Ананий Сергеевич Басов, крестьянин Орловской губернии), казаки – герои Турецкой и Кавказской военных кампаний (например, казак-рыцарь Н.Н. Ашинов). До похода колонисты были яркими индивидуальностями. Первоначально в общине господствовала атмосфера «просветленности». Усольцев записал: «То была такая близость со всеми, когда не остается ни грамма «я», а есть только «мы»: «мы», сущие...» [21. Т. 1. С. 338]. «Мы» является ключевым понятием для утопического сознания, потому что за ним скрыты нивелирование индивидуальности, невнимание к отдельным судьбам (см. работы Р. Гальцевой, И. Роднянской [14], Д.В. Константинова [37], Ю.В. Тарасенко [38] и др.

Утопическая часть антиутопической концептосферы должна четко просматриваться, узнаваться, поэтому писатель должен воссоздать «*утопический интерьер*», чтобы у читателя не осталось «подозрений», что «вольным казакам» из «Новой Москвы» помешали быть счастливыми внешние обстоятельства (холод, голод и т.п.). Африканская природа, по мнению Усольцева, была райской, земля «была предназначена для *«счастливого царства»*: «Море плескалось рядом, горы, отступив от берега, открывали пространство, достаточное для земледелия. Прибавьте колодцы с превосходной водою <...> и уже можно заключить, что мать-природа позаботилась о нашем процветании» [21. Т. 1. С. 352]. Усольцеву важно «держать в объективе» лица людей: «Надо было видеть молитвенные лица вольных казаков, когда они наконец добрались до места поселения! *То был миг почти экстаза, великой решимости возвести Дом Счастья, в котором заживешь надолго и который оставишь детям и внукам*» [Там же]. Нахождение в Доме Счастья не предполагает исторического течения событий, ибо цель достигнута, слово «надолго» не имеет сколько-нибудь точного временного содержания.

Рай, как и полагается в утопии, находится в труднодоступном южном районе: «Взглянешь на долину с крыши форта или с гор – видишь возделанные поля и виноградники, бахчи и сады с уже принявшимися апельсиновыми и лимонными деревцами, видишь дома колонистов, поставленные правильным порядком, а посреди – обширную поляну с четою роскошных пальм, поляну, служившую плацем для вольных казаков» [Там же. С. 354]. Без экзо-

тических растений и плодов «рай» был бы «неполным», это часть архетипа утопий и жанровый «мазок» писательской кисти.

Казалось бы, крестьянский рай уже построен, но, в глубинах социума зреет протест граждан «Новой Москвы». Концепты «Бунт / Революция» и «Диссиденты / Еретики» – обязательные конституирующие концепты антиутопий, которые явно не «активируются» с самого начала, а возникают в некой критической точке повествования, когда читатель готов к ним и ожидает «новаторского» решения вопроса с недовольными в Доме Счастья. Однако чуда не происходит. Достаточно интенсивно по сравнению с другими концептами формируются концепты «Страх» и «Казнь / Смерть». Они заполняют повествование, доминируют и шокируют читателя несоизмеримостью наказания и «преступления».

Усольцев пишет: *«Насильственная метода, заключил я, погубила начала альтруизма, что всегда и везде приводило к разложению и гниению; естественный ход вещей непоправимо нарушен; наконец, мастеровые, участвуя в ашиновских сатурналиях, сильно уронили себя в глазах вольных казаков, отныне мужик возненавидел мастерового, а здесь-то и конец единству, солидарности, без которых... Впрочем, сказал я, вдруг чувствуя, как закипает кровь, впрочем, господин атаман, очевидно, вовсе не озабочен единством, ибо принцип, старый как мир принцип “разделяй и властвуй”»* [21. Т. 1. С. 397].

«Колонистам инакомыслящим уготована печальная участь быть наказанными плетью или даже приговоренными к тюремному заключению». Доктор Усольцев, заподозренный Ашиновым в связях с французами, помещен в тюрьму. Это тот, кто воспел свободную «Новую Москву»! Возникает ассоциация с другим антиутопическим произведением 1970-х гг. – романом В. Тендрякова «Покушение на Миражи» (публикация 1988 г.). По сюжету новеллы «Сказание пятое. Прощание с градом осиянным» отец идеи Государства Солнца Томмазо Кампанелла оказывается в городе своей мечты, но в первый же день, по иронии судьбы, попадает в тюрьму. Утописту приходится узнать всю правду о городе всеобщего счастья и радости [39. С. 159–171]. Усольцеву, как и персонажу В. Тендрякова, приходится взглянуть правде в глаза, увидеть обратную сторону «математически выверенного счастья»: *«...наильно навязанное благодеяние – вопиющее самопротиворечие; что оно вообще-то ничем не отличается от «чистого», откровенного насилия»* [21. Т. 1. С. 402]. Если в «Прощании с градом осиянным» с горечью повествуется о казни через повешение тех, «кто не радовался» в Государстве Солнца, то в Новой Москве инакомыслящих судят выборным судом, а дезертиров из колонии вылавливают и предают наказанию в поучение другим (способ исправления нравов). Концепт «Казнь» является стабильным признаком антиутопий, тесно связанным с концептом «Диссиденты». В идеологии утопизма отсутствует интерес к индивидуальным судьбам, «слезинке ребенка» и т.д. Основная задача антиутопий – вскрыть обман и показать читателю, какова будет цена прозрения.

По утопическим воззрениям великодушно настроенного братства интеллигентов Новой Москвы был нанесен сокрушительный удар! Колонисты сами же и вскормили тирана, утверждающего, что «община – важнее едини-

цы!», новый тип «рядчика», регламентатора, от которого теперь страдают. Усольцев восклицает в своих записках: «Автономия личности! Самоценность жизни! Увы, наша доктрина была, очевидно, еще недоступна вольным казакам. Да и когда, где могли они проникнуться ею?» [21. Т. 1. С. 369]. В заточении у доктора Усольцева было много свободного времени, чтобы поразмыслить над вопросами, которые также были поставлены Ф. Достоевским: «*о праве реформатора нарушать право*». Еще недавно, вспоминает Усольцев, беседуя в Обоке (владении Франции) с губернатором мсье Лагардом, доктор испытывал чувство «новомосковского патриотизма», когда ими обсуждались диктаторские методы Ашинова. Так, в разговоре выявилось не менее четырех признаков склонности к насилию: 1) «не совсем идиллическая роль» атамана в среде вольных казаков (он не тот, за кого себя выдает. – С.А., М.Б.); 2) «арест Михолапова есть акт несправедливости»; 3) «институт личной охраны» как «ашиновский бонопартизм»; 4) возможно, «стремление Ашинова к личной наживе», контроль за внешней торговлей – «монополия внешней торговли» [Там же. С. 378–379]. Губернатору Лагарду очевиден механизм возникновения и краха всех известных «коммун» в истории человечества. В идейном споре с доктором звучит мысль: «Неужели вы думаете, неужели полагаете, что тот, кто вчера был в оппозиции к власти, не меняется в самом существе своем, взяв власть?» [Там же. С. 393].

Истина открылась Усольцеву в ее «наготне»: «...я был один на один, лоб в лоб: я и нагая истина – с колонией покончено <...> эксперимент потерпел крах, занавес опускается» [Там же. С. 402]. Подобно миражу, вновь появляется образ солнца, заявленный в начале произведения в сцене погони иностранной канонерки за кораблем «Амфитрита». Усольцев создает развернутую метафору: «Я думал о том, какое несчастье несет истина, похожая на электрическое солнце¹ (вспоминал фонарь канонерки, что гналась за нами в Красном море). Сильный свет, но мертвенный, выхватывает клочок из хаоса, беспощадно отграничивает, но дальше – в самый хаос, во тьму – ни единого лучика. У такой истины нет свойств путеводности» [Там же].

Общей концептуальной точкой утопий и антиутопий является концепт «Любовь», точнее, два концепта «Секс» и «Любовь». Утопии сводят любовь к сексу, решая только вопрос свободы половых отношений. В антиутопических произведениях любовью оценивают личность антиутопического героя, его способность «не быть винтиком», способность ценить другую личность, нести ответственность за жизнь любимого человека. Именно любовь (не секс) оказывается единственным средством, удерживающим в человеке человеческое, рождающим, как в романе «Мы» Замятина, душу и способность критически оценивать происходящее. В «Африканском варианте» прозрение Усольцева связано с тайной любовью к Софье Ивановне, супруге атамана Ашинова. Доктор пишет: «...она словно бы обладает каким-то магическим кристаллом, и вот стоит взглянуть сквозь него, как все определится и установится» [Там же. С. 403].

Софья Ивановна – воплощение лучших черт русской женщины, интелли-

¹ Образ искусственного (электрического) управляемого солнца присутствует в большинстве утопий начиная с середины XIX в.

гентной, умной, деятельной, всесторонне образованной. Это тип жены-соратницы. Софья Ивановна разделяет убеждения Ашинова и следует за ним в далекую Абиссинию, надеясь реализовать мечты о справедливом социальном устройстве человеческой жизни. В «Новой Москве» именно Ашинова была «главной деятельницей просвещения». Обращает на себя внимание *продуманность новой концепции школы для крестьян*: «Признавая грамотность существенным фактором, мы все же, повторяю, видели нашу капитальную задачу не в преподавании азбуки, а в *преподавании примера общего хозяйствования, выгоды которого через какое-то время уразумел бы серый из серых*» [21. Т. 1. С. 365]. Софья Ивановна мечтает «получать газету и книги», «завести обширную новомосковскую библиотеку». Среди занятий для досуга практиковались «коллективные чтения» с обязательным обсуждением «нравственных свойств» героев.

Вопросы пола часто обсуждались интеллигенцией «Новой Москвы». Мнения разделились. Софья Ашинова полагала, что в новой счастливой жизни «временное сожителство» мужчин и женщин недопустимо: «*А потому что у людей, идущих к великой, всепоглощающей цели, этого быть не должно*». Доктор Усольцев, хорошо знавший русскую деревню, констатировал «простоту отношений» мужчин и женщин: полная свобода брачных отношений. К тому же, очевидно, «*...Новая Москва не будет, надо полагать, новым монастырем... поглощенность великой и светлой целью не предполагает неприменного ригоризма...*» [Там же. С. 337]. С точки зрения Усольцева, должна быть возможность «разводных писем», предусмотренных еще в библейские времена» [Там же].

Форма антиутопии проявляется в интертекстуальности как художественном приеме – обязательном напоминании утопических тем и идей. К примеру, еще со времен «Государства» Платона представление о гармоничном счастливом общежитии людей неотделимо от музыки и музыкального воспитания граждан. Гармонию в «Новой Москве» олицетворяет Софья Ивановна, прекрасная музыкантша. Тяжелый быт колонистов-тружеников скрашивает музыка. Есть она и у В. Тендрякова (в «Сказании пятом»). В Городе Солнца «страшный старик фра Томмазо» умирал тяжело в своей монастырской келье «под нежную светскую музыку, не под святые песнопения» [39. Т. 2. С. 159]. В повести «Африканский вариант» Ю. Давыдова русские колонисты «Новой Москвы» погибают под другую «музыку» – под звуки шквалистого огня французской артиллерии с суши, с моря [21. Т. 1. С. 412]. Символичен финал: творение утопического сознания, колония «Новая Москва» гибнет в очистительной стихии огня.

Война – это еще одна тема, мимо которой не проходит антиутопия. С нее может начинаться рассказ об истоках возникновения утопического государства (ср. Двухсотлетняя война в романе «Мы»), но чаще война представлена как закономерный конец утопий или средство избавления от них. Тема войны важна для понимания и психологии отдельного человека, и человеческого сообщества. Особенно ярко представлено это в антиутопиях В. Тендрякова «Чистые воды Китежа», «Покушение на миражи», опубликованных посмертно в конце 1980-х гг. Рефлексирующий герой романа «Покушение на миражи» Георгий Петрович Гребин, наделенный общей биографической чертой с

В. Тендряковым (опыт Великой Отечественной войны), размышляет над «механизмом» социального устройства человеческой цивилизации: «Тревожит душу тривиальная мысль <...> Если стихийные людские системы (например, «гиперобщественная система – вторая мировая война». – С.А., М.Б.) способны заставить гуманнейшего убивать, составителя совершать жестокости и честного кривить душой, то должно быть принципиально возможно и обратное – некие общественные механизмы, принуждающие жестокосердного проявлять сострадание, эгоиста – творить великодушные поступки. Слева направо, слева направо – против настроенного движения не попрешь. Вся суть в том, куда направить движение механизма» [39. Т. 2. С. 158]. Утопические «проекты» «благородных проектировщиков» (Платона, Яна Гуса, Томаса Мора, Кампанеллы) настраивают «механизм» движения человечества в гуманном направлении [Там же]. Автор задает вопрос: *почему ни один «проект идеальных общественных устройств» «не принят жизнью. Отвергнуты все»?* В. Тендряков пытается ответить на так называемый «проклятый вопрос» всем содержанием антиутопического романа «Покушение на миражи». В четвертой главе Гребин вспоминает о зиме 1941 г., когда он застрелил врага – немецкого солдата. Натуралистические детали в описании тела убитого подчеркивают абсурдность происходящего: несоединимость в сознании молодости и смерти. Но еще более абсурдны комментарии героя: «Ни жалости, ни раскаяния я не испытывал, а гордость – пожалуй. Не странно ли: не мог убить зайца, в жизни не убивал ни курицы, ни даже мыши, а вот человека – со спокойной совестью, *безо всякой к нему ненависти в ту минуту...<...> Два с лишним года война была моей профессией*» [Там же. С. 157]. Объяснение психологического парадокса содержится в конце этой части: «В юности я стал мельчайшей молекулой грандиознейшей гиперобщественной системы – второй мировой войны» [Там же. С. 158]. Война как средство «передела мира», способ осуществления «проекта» для достижения «благих целей». Каких? Все тех же: в данном случае обеспечение «счастья» избранной нации с помощью уничтожения человеком «себе подобных» («генетически неполноценных») во имя «великой цели»! «Гиперобщественная система второй мировой войны» – это только часть грандиозной системы (модели) обеспечения «идеального» человеческого мироустройства.

В «возвращенных произведениях» конца 1980-х гг. возникает заочный диалог о природе трагических социальных экспериментов в XX в. Речь идет о романе «Покушение на миражи» и романе-эпопее В. Гроссмана «Жизнь и судьба». В. Гроссман говорит о судьбе социальных «проектов», о высокой цене, которую платят народы за умозрительные «благие намерения» великих «гениев» – Гитлера и Сталина. Явно эта проблема обсуждается в «Жизни и судьбе» в сцене допроса в немецком концлагере большевика ленинской гвардии Мостовского штурмбанфюрером Лиссом. Гестаповец говорит о родственной природе тоталитарных режимов: «На земле есть два великих революционера: Сталин и наш вождь. Их воля родила национальный социализм государства. Для меня братство важнее, чем война с вами из-за восточного пространства. Мы строим два дома, они должны стоять рядом... Вы должны поверить мне. Я говорил, а вы молчали, но я знаю, я для вас хирургическое зеркало» [40. Т. 2. С. 298–299]. Национал-социалистический «проповедник»

Лисс в качестве аргумента использует «принцип зеркальности» для относительных этических категорий. Относительность в этике закономерно проявляется в процессе реализации утопических «проектов», какими бы они ни были («гитлеровский» или «сталинский»). Критика конца 1980-х гг. воспринимала исторические события сталинского времени как реализацию социальной утопии. А. Шиндель, размышляя о природе антиутопий, возражает оппонентам, называющим реалии России 1930-х гг. «утопией»: «Если это антиутопия, то вся ваша, сталинская, по меньшей мере, историческая действительность – утопия? В том-то и дело, что *все это и натура, и ее изображение – реальность*» [41. С. 217].

Форма антиутопии оказалась применима не только к построениям будущего, но и к оценкам прошлого. В повести «Африканский вариант мы встречаем не художественное построение *альтернативного пути* развития России в XIX–XX вв., не абстрактное прогнозирование или моделирование возможного будущего, не умозрительный эксперимент, а психологический анализ уже состоявшегося *факта русской истории*. «Матрица» анализа, выбранная Ю. Давыдовым, отражает ключевые признаки жанра антиутопии и позволяет сохранить, по-новому использовать жанровые особенности исторической повести: экстенсивный эпический сюжет, одноаспектность, использование исторического материала, описание быта, психологизм, постепенное раскрытие сущностных характеристик героев и др. [42. С. 7–8]. Безусловно, некоторые особенности повести не модифицировались, но приняли дополнительные функции под воздействием антиутопических задач. Так, конфликтная (или предконфликтная) ситуация, свойственная сюжетам повестей, является необходимой для любой антиутопии. Именно конфликт раскрывает тоталитарную природу утопических построений, без него не реализуются, например, антиутопические концепты «Диссиденты», «Казнь», «Революция». Кроме того, антиутопия предполагает анализ душевного состояния героев, через описание которого и происходит постижение античеловеческой, антииндивидуальной, антидуховной сущности утопизма, что, в свою очередь, позволяет реализовать такой жанровый признак повестей, как психологизм. Для решения задач антиутопического замысла в повести «Африканский вариант» меняется статус рассказчика. Если в повестях (впрочем, как и в утопиях) повествователь не имеет большого значения и используется больше для акцентирования некоторых моментов содержания, то в антиутопиях рассказчик является главным героем и главным транслятором авторской идеи. В его размышлениях постепенно происходит эволюция мировосприятия, переоценка, раскрывается кризис личности (причем не только рассказчика). Концепт «Человек / Я», которого нет в утопиях или он схематичен, является главным в антиутопиях и реализуется в первую очередь именно в позиции повествователя.

«Открытость» повести к взаимодействию с другими жанрами литературы, отмеченная еще В.Г. Белинским, кажется, «размывает» четкие жанровые характеристики, однако, несмотря на соединение с другими жанрами, сохраняет главный конституирующий признак – она остается «*эпизодом из беспредельной поэмы судеб человеческих*» [43].

В поиске новых форм жанр антиутопии способен образовывать разнообразные сплавы благодаря, как нам кажется, главной своей черте – вниманию

к индивидуальности. Однако потенциал жанров, с точки зрения объединения художественных форм, разный. Антиутопия в силу «строгости» своей концептосферы требовательна к темам, сюжетам и образам. Повесть же более «пластична» и практически бесконечна в своем поиске «человеческого» в сложных и простых вопросах человека, народа, нации и государства.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 364 с.
2. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении: (Критическое введение в социологическую поэтику). Л.: Прибой, 1928. 232 с.
3. Канунова Ф.З. Проблема личности и жанр: Русская сентиментальная и романтическая повесть // Проблемы литературных жанров: материалы науч. межвуз. конф., посвящ. 50-летию образования СССР, 23–26 мая 1972 г. / ред.: Ф.З. Канунова, Н.Н. Киселев, Н.Б. Реморова. Томск, 1972. С. 3–5.
4. Казаркин А.П. Жанровые границы интерпретации текста // Проблемы литературных жанров: материалы IV науч. межвуз. конф., 28 сентября – 1 октября. 1982 / под ред. Ф.З. Кануновой, Н.Н. Киселёва, Н.Б. Реморовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 4–5.
5. Комина Р.В. Жанр: аксиология, методика // Проблемы литературных жанров: материалы IV науч. межвуз. конф. / под ред. Ф.З. Кануновой, Н.Н. Киселёва, Н.Б. Реморовой. Томск, 1983. С. 3–4.
6. Арсентьева Н.Н. Становление антиутопического жанра в русской литературе: в 2 ч. М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1993.
7. Геллер М. Магия худших миров: Об утопии, антиутопии, герметизме и Е. Замятине // Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания. Вып. 3. Воронеж, 1994. С. 51–61.
8. Гюнтер Х. Пути и тупики изучения искусства и литературы сталинской эпохи [Электронный ресурс] // НЛЮ. 2009. № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/gu23.html>
9. Зверев А. «Когда пробьет последний час природы...» (Антиутопия. XX век) // Вопр. литературы. 1989. № 1. С. 26–69.
10. Ланин Б.А. Русская антиутопия XX века: учеб. пособие для учащихся. М.: ТОО Онега, 1993.
11. Маркова Т.Н. Антиутопия в русской прозе рубежа XX–XXI веков // Трансформации жанров в литературе и фольклоре: сб. ст. научно-исследовательского центра «Трансформации жанров и стилей в новейшей литературе и фольклоре». Челябинск, 2010. Вып. 3. С. 3–18.
12. Морсон Г. Границы жанра : Антиутопия как пародийный жанр / Г. Морсон, В. Чаликова // Утопия и утопическое мышление : Антология зарубежной литературы. М., 1991. С. 233–251.
13. Morson G.S. The Boundaries of Genre. Dostoevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia. University of Texas Press/ Austin. 1981. P. 115–142.
14. Гальцева Р. Помеха-человек: Опыт века в зеркале антиутопий / Р. Гальцева, И. Роднянская // Новый мир. 1988. № 12. С. 217–230.
15. Чаликова В.А. Крик еретика: (Антиутопия Е.Замятина) // Вопр. философии. 1991. № 1. С. 16–27.
16. Чаликова В.А. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс. 1991. 405 с.
17. Golding W. Utopias and Antiutopias // A Moving Target. N. Y., 1984. P. 180–186.
18. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 536 с.
19. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М.: Владос, 1995. 208 с.
20. Агеносов В.В. Советский философский роман. М.: Прометей, 1989. 466 с.
21. Давыдов Ю.В. Африканский вариант. Записки Усольцева // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Подколодный Башуцкий. Повести, рассказы. СПб., 2004. С. 319–412.
22. Сидоров А.В. Историческая проза Ю. Давыдова 1960–2000-х гг.: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 19 с.

23. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2: Семидесятые годы (1968–1986): учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС. 2001. 288 с.
24. Щедрина Н.М. Русская историческая проза в литературе последней трети XX века: учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та. 1997. 132 с.
25. Бочаров А. «Эта экспедиция делает нам стыд и позор» (Африканская авантюра вольных казаков) // Источник: документы русской истории. 1999. № 5. С. 37–47.
26. Пикуль В. Вольный казак Ашинов // Пикуль В. Исторические миниатюры: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 261–269.
27. Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 1. С. 207–231.
28. Островский А.Б., Чувьуров А.А. Беловодье староверов Алтая [Электронный ресурс] // Вестн. Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, № 3. С. 8–14. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_17762737_34110543.PDF
29. Рыков Ю.Д. Ярославский список «Путешественника» Марка Топозерского // Книжная культура Ярославского края. Ярославль: Изд. Бюро «ВНД», 2015. С. 11–57.
30. Чистов К.В. Легенда о Беловодье // Тр. Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 116–181.
31. Зусман В. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Н. Новгород: Деком, 2001. 168 с.
32. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.
33. Макеев С. Похождения вольного казака [Электронный ресурс] // Совершенно секретно. 2012. Вып. 4/275,277. URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3076>
34. Мильдон В.И. История и утопия как типы сознания // Вопр. философии. 2006. № 1. С. 15–24.
35. Ванюков Д.А. Имперские проекты / Д.А. Ванюков, И.И. Кузнецов, Д.В. Самсонов. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 416 с.
36. Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
37. Константинов Д.В. Антиутопии: будущее без человека // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 366. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/antiutopii-buduschee-bez-cheloveka>
38. Тарасенко Ю.В. Драма-антиутопия в русской литературе начала XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 308. С. 26–29.
39. Тендряков В. Покушение на миражи: Роман, повесть, рассказы. М.: Сов. писатель. 1998. С. 3–218.
40. Гроссман В.С. Жизнь и судьба // Собр. соч.: в 4 т. М., 1998. Т. 2. 656 с.
41. Шиндель А. Свидетель: Заметки об особенностях прозы Андрея Платонова // Знамя. 1989. № 9. С. 207–217.
42. Кузьмин А.И. Повесть как жанр литературы. М.: Знание, 1984. 112 с.
43. Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Взгляд на русскую литературу [Сборник] / В.Г. Белинский; [вступ. ст. и коммент. А.С. Курилова]. М., 1988 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0320.shtml

GENRE FEATURES OF DYSTOPIA IN YURI DAVYDOV'S "AFRIKANSKIY VARIANT"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 49. 113–135. DOI: 10.17223/19986645/49/8

Svetlana L. Andreeva, Maya L. Bedrikova, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: 216zamsv@mail.ru / mlbedrikova@gmail.com

Keywords: historical novel, dystopia, synthesis of genres, conceptsphere, utopia, utopianism, Yu. Davydov.

The article researches the genre features of dystopia in Yuri Davydov's historical story "Afrikan-skiy variant" [African Option] (1970) which is a representative work in terms of the mechanism of genre integration. The authors of this article explore the cognitive "matrix" of dystopia based on M.M. Bakhtin's and other researchers' ideas about the transformational potential of a literary genre, about epistemological and cognitive factors of genre creation. The matrix is preserved in a number of key cultural concepts which constitute the cognitive basis (conceptsphere) of dystopia and explain the

potential and limits of form variation. Genre is understood as a “cultural and historical type of conditionality” determining borders of text interpretation; synthesis of genres is understood as a full representation of essential features of each of the synthesizing genres. Synthesis of the dystopia and the historical story should be considered as an integration of three genre forms: the story, the dystopia and the utopia, whose genre features are latently present in dystopias. Dystopias are designed on the basis of utopian concepts: “Happiness / Blessing”, “Mind”, “Generality”, “Messiah / Benefactor”, “Chosen People / We”, “State” and others; and actual dystopian concepts: “Dissidents / Heretics”, “Revolution / Riot / War”, “Execution”, “Human / I” and others. “Afrikanskiy variant” is based on a documented historical fact of adventurous attempts of creating a community The New Moscow by Nikolai Ivanovich Ashinov (1856–1902) in Ethiopia. The story of The New Moscow gained wide and scandalous notoriety following numerous publications in Russian and foreign press. This story is artistically interpreted in Yuri Davydov’s story and in V. Pikul’s story “Vol’nyy kazak Ashinov” [Free Cossack Ashinov] (1976). The circumstances of the historical event (attempts to organize the community The New Moscow) became iconic to Yuri Davydov and suggested the artistic form. On the one hand (for the reader), the genre determines and projects cognition of the past, the present or the future with the help of genre concepts; on the other hand (for the researcher), it reflects the author’s way, model, trajectory of artistic comprehension of historical reality. The potential of integration of analyzed art forms is different: the dystopia, according to the authors, is demanding in terms of the material (topics, subjects and images), the story is more open to interaction with other genres of literature due to attention to the individual destiny and the human inner world. Materials of this article will be useful to researchers for general development of theoretical problems connected with to the origin and existence of genres of the utopia and the dystopia; and researchers of Russian historical prose of this period, particularly researchers of Yuri Davydov’s oeuvre.

References

1. Bakhtin, M.M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s poetics]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
2. Medvedev, P.N. (1928) *Formal’nyy metod v literaturovedenii (Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuyu poetiku)* [Formal method in literary criticism (Critical introduction to sociological poetics)]. Leningrad: Priboy.
3. Kanunova, F.Z. (1972) [Personality problem and genre: Russian sentimental and romantic story]. *Problemy literaturnykh zhanrov* [Problems of literary genres]. Proceedings of the conference. Tomsk. 23–26 May 1972. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–5. (In Russian).
4. Kazarkin, A.P. (1983) [Genre boundaries of the interpretation of the text]. *Problemy literaturnykh zhanrov* [Problems of literary genres]. Proceedings of the IV conference. Tomsk. 28 September – 1 October 1982. Tomsk: Tomsk State University. pp. 4–5. (In Russian).
5. Komina, R.V. (1983) [Genre: axiology, methodology]. *Problemy literaturnykh zhanrov* [Problems of literary genres]. Proceedings of the IV conference. Tomsk. 28 September – 1 October 1982. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–4. (In Russian).
6. Arsent’eva, N.N. (1993) *Stanovlenie antiutopicheskogo zhanra v russkoy literature* [Formation of the dystopia genre in Russian literature]. In 2 parts. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute.
7. Geller, M. (1994) *Magiya khudshikh mirov. Ob utopii, antiutopii, germetizme i E.Zamyatine* [Magic of the Worst Worlds. On Utopia, Anti-Utopia, Hermetism and E. Zamyatin]. *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaneya*. 3. pp. 51–61.
8. Gunther, H. (2009) *Puti i tupiki izucheniya iskusstva i literatury stalinskoy epokhi* [Ways and dead ends of the study of art and literature of the Stalin era]. Translated from German by E. Zemskova. *NLO*. 95. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/gu23.html>.
9. Zverev, A. (1989) “Kogda prob’et posledniy chas prirody...” (Antiutopiya. XX vek) [“When the last hour of nature breaks . . .” (Dystopia, 20th century)]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 26–69.
10. Lanin, B.A. (1993) *Russkaya antiutopiya XX veka* [Russian dystopia of the twentieth century]. Moscow: TOO Onega.
11. Markova, T.N. (2010) *Antiutopiya v russkoy proze rubezha XX–XXI vekov* [Dystopia in the Russian prose of the turn of the twenty-first century]. In: Markova, T.N. (ed.) *Transformatsii zhanrov v literature i fol’klore* [Transformations of genres in literature and folklore]. Vol. 3. Chelyabinsk: Izd-vo OOO “Entsiklopediya”.
12. Morson, G.S. & Chalikova, V.A. (1991) *Granitsy zhanra: Antiutopiya kak parodiynyy zhanr* [Borders of the genre: Dystopia as a parody genre]. In: Chalikova, V.A. (ed.) *Utopiya i utopicheskoe*

myshlenie: Antologiya zarubezhnoy literatury [Utopia and utopian thinking: Anthology of foreign literature]. Moscow: Progress.

13. Morson, G.S. (1981) *The Boundaries of Genre. Dostoevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia*. Austin: University of Texas Press. pp. 115–142.

14. Gal'tseva, R. & Rodnyanskay, I. (1988) Pomekha-chelovek: Opyt veka v zerkale antiutopiy [The disturbance man: The experience of the century in the mirror of dystopias]. *Novyy mir*. 12. pp. 217–230.

15. Chalikova, V.A. (1991) Krik eretika (Antiutopiya E. Zamyatina) [Scream of the heretic (Zamyatin's dystopia)]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 16–27.

16. Chalikova, V.A. (ed.) (1991) *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: Antologiya zarubezhnoy literatury* [Utopia and utopian thinking: Anthology of foreign literature]. Moscow: Progress.

17. Golding, W. (1984) *A Moving Target*. New York: Farrar Straus & Giroux. pp. 180–186.

18. Kovtun, N.V. (2005) *Russkaya literaturnaya utopiya vtoroy poloviny XX veka* [Russian literary utopia of the second half of the twentieth century]. Tomsk: Tomsk State University.

19. Shestakov, V.P. (1995) *Eskhatologiya i utopiya (Ocherki russkoy filosofii i kul'tury)* [Eschatology and Utopia (Essays on Russian philosophy and culture)]. Moscow: Izd-vo "Vlados".

20. Agenosov, V.V. (1989) *Sovetskiy filosofskiy roman* [Soviet philosophical novel]. Moscow: Prometey.

21. Davydov, Yu.V. (2004) *Sobranie sochineniy v 5 tt.* [Works in 5 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdatel'stvo "Propaganda". pp. 319–412.

22. Sidorov, A.V. (2009) *Istoricheskaya proza Yu. Davydova 1960-kh–2000-kh gg.: problematika i poetika* [Historical prose of Yu. Davydov of the 1960s–2000s: problems and poetics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.

23. Leyderman, N.L. & Lipovetskiy, M.N. (2001) *Sovremennaya russkaya literatura: V 3-kh kn.* [Modern Russian Literature: In 3 books]. Book 2. Moscow: Editorial URSS.

24. Shchedrina, N.M. (1997) *Russkaya istoricheskaya proza v literature posledney treti XX veka* [Russian historical prose in the literature of the last third of the twentieth century]. Ufa: Bashkir State University.

25. Bocharov, A. (1999) "Eta ekspeditsiya delaet nam styd i pozor" (Afrikanskaya aventyura vol'nykh kazakov) ["This expedition is shame and disgrace for us" (African adventure of free Cossacks)]. *Istochnik: dokumenty russkoy istorii*. 5. pp. 37–47.

26. Pikul', V. (1991) *Istoricheskie miniatyury. V 2-kh tt.* [Historical miniatures. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Molodaya gvardiya. pp. 261–269.

27. Zinchenko, V.P. (2006) Soznanie kak predmet i delo psikhologii [Consciousness as an object and matter of psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychologv*. 1:1. pp. 207–231.

28. Ostrovskiy, A.B. & Chuv'yurov, A.A. (2011) Belovodie of the Altai Old-Believers. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 12:3. pp. 8–14. (In Russian).

29. Rykov, Yu.D. (2015) Yaroslavskiy spisok "Puteshestvennika" Marka Topozerskogo [Yaroslavl list of "Traveler" Mark Topozerskiy]. In: Abrosimova, N.V. (ed.) *Knizhnaya kul'tura Yaroslavskogo kraya* [Book culture of Yaroslavl region]. Yaroslavl: Izd. Byuro "VND".

30. Chistov, K.V. (1962) Legenda o Belovod'e [The Legend of Belovodie]. *Trudy Karel'skogo filiala AN SSSR*. 35. pp. 116–181.

31. Zusman, V. (2001) *Dialog i kontsept v literature. Literatura i muzyka* [Dialogue and the concept in the literature. Literature and music]. Nizhniy Novgorod: Dekom.

32. Brochaus, F.A. & Efron, I.A. (1890–1907) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [Encyclopaedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vols]. St. Petersburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya I.A. Efrona.

33. Makeev, S. (2012) Pokhozhdeniya vol'nogo kazaka [The adventures of the free Cossack]. *Sovershenno sekretno*. 4/275, 277. [Online] Available from: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3076>.

34. Mil'don, V.I. (2006) Istoriya i utopiya kak tipy soznaniya [History and utopia as types of consciousness]. *Voprosy filosofii*. 1.

35. Vanyukov, D.A. et al. (2010) *Imperskie proekty* [Imperial projects]. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.

36. Golubkov, M.M. (2001) *Russkaya literatura XX v.: Posle raskola* [Russian literature of the twentieth century: After the split]. Moscow: Aspekt. Press.

37. Konstantinov, D.V. (2013) Anti-utopias: future without man. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 366. pp. 42–48. (In Russian). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/antiutopii-budushee-bez-cheloveka>.

38. Tarasenko, Yu.V. (2008) Drama-antiutopiya v russkoy literature nachala XX v. [Drama as dystopia in Russian literature of the beginning of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 308. pp. 26–29.

39. Tendryakov, V. (1998) *Pokushenie na mirazhi. Roman, povest', rasskazy* [Attempt on mirages. A novel, a story, short stories]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 3–218.

40. Grossman, V.S. (1998) *Sobr. soch. V 4-kh tt.* [Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo "Agraf", Izd-vo "Vagrius".

41. Shindel', A. (1989) Svidetel': Zametki ob osobennostyakh prozy Andreya Platonova [Witness: Notes on the features of Andrei Platonov's prose]. *Znaniya*. 9. pp. 207–217.

42. Kuz'min, A.I. (1984) *Povest' kak zhanr literatury* [The story as a genre of literature]. Moscow: Znanie.

43. Belinskiy, V.G. (1988) O russkoy povesti i povest'yakh g. Gogolya ("Arabeski" i "Mirgorod") [On the Russian story and novels of Gogol ("Arabesques" and "Mirgorod")]. In: *Vzglyad na russkuyu literaturu* [A glance at the Russian literature] Moscow: Sovremennik. [Online] Available from: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0320.shtml.